

16. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. / Под общ. ред.: Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. Москва: ГИХЛ, 1959–1962.

17. Фомичев С.А. Последний лирический цикл Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*, 1981 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 52–66.

18. Gillespie D.A. *Side-Stepping Silence, Ventriloquizing Death: A Reconsideration of Pushkin's Stone Island Cycle*. *The Pushkin Review* 6/7 (2003–2004). С. 39–83.

А.Д. Сесорова

A.D. Sesorova

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПОЛЕЖАЕВА

LATEST POEM BY ALEXANDER POLEZHAEV

В статье рассматривается феномен «последнего стихотворения» в творчестве А.И. Полежаева, ныне малоизвестного поэта, одного из основоположников богоборческого романтизма: как итог его творческого и жизненного пути. Стихотворение анализируется с позиций соотношения документального и художественного в тексте. В статье используются биографический, историко-типологический и системный методы исследования. В статье приводится информация об истории создания последнего стихотворения Полежаева, написанного незадолго до трагической смерти. Анализируется смысл двойного названия стихотворения. Последнее стихотворение Полежаева рассматривается как вариация элегии, ставшая одним из основополагающих жанров в поэзии романтизма. Приводится история элегической традиции в предшествующей литературной традиции, а также роль элегии в литературе русского романтизма. В статье анализируются образы змеи и кинжала, неоднократно возникавшие в лирике Александра Полежаева. Лирический герой Полежаева проходит в стихотворении путь от душевной слепоты и глухоты и горькому и трагическому прозрению. Анализируется возникающий в финале произведения антропоморфный образ смерти.

Ключевые слова: Полежаев, богоборческий романтизм, документальный и художественный, смерть, элегия.

The article examines the phenomenon of the "last poem" in the works of A.I. Polezhaev, now a little-known poet, one of the founders of theomachy romanticism: as a result of his creative and life path. The poem is analyzed from the standpoint of the relationship between documentary and fiction in the text. The article uses biographical, historical-typological and systemic research methods. The article provides information about the history of the creation of Polezhaev's last poem,

written shortly before his tragic death. The meaning of the double title of the poem is analyzed. The last poem by Polezhaev is regarded as a variation of the elegy, which has become one of the fundamental genres in romantic poetry. The history of the elegiac tradition in the previous literary tradition, as well as the role of the elegiac in the literature of Russian romanticism are presented. The article analyzes the images of a snake and a dagger that have repeatedly appeared in the lyrics of Alexander Polezhaev. The lyrical hero Polezhaev goes in the poem the way from mental blindness and deafness and bitter and tragic insight. The anthropomorphic image of death appearing in the finale of the work is analyzed.

Keywords: *Polezhaev, godless romanticism, documentary and fiction, death, elegy.*

Интерес к последним стихотворениям того или иного автора существует в литературоведении давно, свидетельством тому служат одноименные антология (2003 г.) и конференции. Любопытным представляется исследование последнего поэтического текста поэта, анализ его своеобразного литературного завещания.

Последним стихотворением Александра Полежаева считается «Отрывок из письма А.П. Лозовскому» («Чохотка»), написанное в декабре 1837 г., незадолго до смерти поэта в январе 1838 года. Полежаев, разбитый жестокостью и превратностью своей судьбы, действительно умирал от чахотки, автобиографические мотивы пронизывают последний текст поэта.

Стихотворение имеет название «Отрывок из письма А.П. Лозовскому», оно посвящено другу Полежаева Александру Лозовскому, дружба с которым скрашивала последние годы поэта, во многом благодаря которому поэтическое наследие Полежаева сохранилось и частично было опубликовано после его смерти (естественно, с купюрами).

Вполне логично, что последнее стихотворение поэта является элегией. «Универсализм и неизбежность элегического чувства предопределены идеей быстро текущего времени и идеей неизбежности смерти» [7, 7]. Общеизвестно, что элегия зародилась в Древней Греции, от других жанров ее отличал вид строфы – элегический дистих. Элегия берет происхождение из плача над умершими, однако она не обязательно носила скорбный характер. В современном нам понимании элегию начинает развивать Мимнерм, создавая элегии, посвященные индивидуальным чувствам, в частности, о любви. Ксенофана считают создателем философского типа элегии. В Древнем Риме элегия продолжает свое развитие в лирике римских поэтов Тибулла, Катуллы и Овидия, которые популяризовали именно любовные элегии. Следующий виток развития жанра элегии происходит в эпоху Ренессанса, поскольку этот жанр оказывается способен выразить все новое, появившееся в Новое время, ее приверженцами стали французские поэты Пьер Ронсар, Дю Белле. Позднее, в эпоху классицизма, элегия становится второстепенным жанром, однако существует в рамках прециозной поэзии. В конце XVII – начале XVIII века жанр приходит в упадок, но ближе к середине столетия получает новый виток

развития, отвечая предромантическим веяниям. В эпоху романтизма жанр элегии расцветает и активно развивается. Элегия оказалась способна выразить романтическую неудовлетворенность жизнью, русские элегики стремились отойти от действительности в мир, полных скорбных и грустных рассуждений, возвести на пьедестал иные ценности: красоту духа человека, богатство, заключающееся в человеческом чувстве. «Романтизм, дерзнувший преобразить (а порой и преобразовать) действительность в соответствии с идеалом свободной личности, тем самым придает последней значение субъекта деятельности, включающей в себя как критическое осмысление действительности, так и преобразование ее в свете этого идеала» [3, 5].

Открывает стихотворение обращение к адресату: «Вот тебе, Александр, живая картина моего настоящего положения...» [5, 327]. Однако этим и исчерпываются все отсылки к образу Лозовского, последующий текст представляет собой своеобразную исповедь, краткий пересказ немногих печальных событий, которые оттенялись краткими обманчивыми вспышками радости:

И в кликах радости безумных
Безумство счастьем называл
Тогда – вдали от глаз невежды
Или фанатика-глупца –
Я сердцу милые надежды
Питал с улыбкой мудреца,
И счастлив был! <...> [5, 327].

В стихотворении Полежаева возникает образ змеи, к которому он неоднократно обращался в других своих стихах, поэт сравнивает свою болезнь со смертельным змеиным укусом:

Удушьем, кашлем – как змея,
Впилась, проклятая, в меня;
Лежит на сердце, мучит, гложет
Поэта в мрачной тишине
И злым предчувствием тревожит
Его в бреду и в тяжком сне [5, 327].

Однако самым близким по эмоциональной и смысловой окраске становится схожий образ из стихотворения «Отчаяние» (1836):

О, дайте мне кинжал и яд,
Мои друзья, мои злодеи!
Я понял, понял жизни ад,
Мне сердце высосали змеи!.. [5, 266]

Если годом ранее герой взывает к смерти, хочет приблизить ее, то уже в «Отрывке из письма А. Лозовскому» лирический герой все же сожалеет о том, что так скоро и бесславно ему придется покинуть сей мир. Интересно также отметить образ кинжала, который возникает в обоих этих стихотворениях.

Я спал душой изнеможённой,
Никто мне бед не предрекал,
И сам, как раб, ума лишённый,
Точил на грудь свою кинжал <...> [5, 327].

В последнем стихотворении поэт не видит причину своих бед в судьбе или в воле других людей, герой сам точит «на грудь свою кинжал», словно обвиняя себя самого в печальном конце жизни.

Даже в дружбе поэт не находит утешения в горестях своей печальной судьбы, оказывается неспособен гармонизировать свою жизнь. «Чахотка» вписывается в тематический контекст стихотворений Полежаева, главными темами которых становится смерть, страдания, красота. Однако в последнем стихотворении поэт все же не находит сил уравновесить смерть жизнью, мгновением – вечностью. Все стихотворение проникнуто горькой иронией. Поэт рисует ряд эфемерных и обманчивых радостей жизни, которые приравниваются им к безумию:

Я подвиг жизни совершил
И юных дней фиал безвкусный,
Но долго памятный, разбил!
Давно ли я в оргиях шумных
Ничтожность мира забывал
И в кликах радости безумных
Безумство счастьем называл? [5, 327]

Но и сама его жизнь не может воспрепятствовать трагическому финалу его судьбы. Поначалу герой находится в состоянии сна, в который погружается его душа, уставшая от невзгод и разочарований «Я спал душой изнеможённой» [5, 327]. Возникает мотив душевной слепоты, герой идет по жизни неосознанно, наощупь:

С уничтожением рассудка,
В нелепом вихре бытия
Законов мозга и желудка
Не различал во мраке я [5, 327].

В конечном счете герой прозревает, пробуждается от душевного сна, самозабвения, и оказывается один на один со своей болезнью и смертью, буквально заглядывает в лицо самой смерти:

Потом проснулся... но уж поздно...
Заря по тучам разлилась —
Завеса будущности грозной
Передо мной разодралась...
И что ж? Чахотка роковая
В глаза мне пристально глядит <...> [5, 327].

В конце стихотворения возникает антропоморфный образ смерти, которая разговаривает с героем, вглядывается в него:

И что ж? Чахотка роковая
В глаза мне пристально глядит,
И, бледный лик свой искажая,
Мне, слышу, хрипло говорит:
«Мой милый друг, бутылным звоном
Ты звал давно меня к себе;
Итак, являюсь я с поклоном —
Дай уголок твоей рабе!
Мы заживём, поверь, не скучно:
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утешать...» [5, 327].

В этом отрывке также звучат автобиографические мотивы: Полежаев действительно в конце жизни, чтобы утешиться, стал злоупотреблять алкоголем.

По иронии судьбы за несколько дней до смерти Полежаеву, умирающему от чахотки, которая развилась у него после тюремного заключения (в заточении он оказался по приказу императора), Николай I пожаловал чин прапорщика. В официальных документах в первый и единственный раз офицерский чин Полежаева был отмечен в записи в метрической книге Московского военного госпиталя: «1838 года января 16 дня Тарутинского егерского полка прапорщик Александр Полежаев от чахотки умер и священником Петром Магницким на Семеновском кладбище погребен» [6, 67].

1. Васильев Н.Л. *Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы*. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (дата обращения: 22.10.2021).

2. Воронин И.Д. *А.И. Полежаев: Жизнь и творчество*. Саранск, 1954.

3. Иванюк Б.П. К проблеме теоретической истории жанра // Автор. Жанр. Сюжет. Калининград, 1991. С. 3–10.
4. Николаева Е.Г. «Суд» Н.А. Некрасова и послание «А.П. Лозовскому» А.И. Полежаева («Группа узников») // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Москва, 2014. С. 244–250.
5. Полежаев А.И. Полное собрание стихотворений. Москва, 1939.
6. Рябинин Ю.В. Мистика московских кладбищ. Москва, 2011.
7. Токарева Г.А. О жанре элегии и элегическом модусе // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. Петропавловск-Камчатский, 2017. С. 7–11.

В.И. Чернышева
V.I. Chernysheva

ПУШКИН ИЛИ ЛЕРМОНТОВ? ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР БУНИНА-ПОЭТА

PUSHKIN OR LERMONTOV? THE EXISTENTIAL CHOICE OF THE POET BUNIN

В 1953 году, незадолго до смерти, Иван Бунин, всю жизнь считавший себя прежде всего поэтом – правоверным продолжателем пушкинской традиции, приходит к мысли, что «первый наш поэт – Лермонтов», много читает его, приближается к истинному, глубинному пониманию художественного мира, который, по его же собственному признанию, не был доступен ему в полной мере раньше. В этой связи интересна и тема феномена «последнего стихотворения» в творчестве самого Бунина. Его собственное последнее поэтическое высказывание – не только финал творческого пути большого писателя, но и итог неустанной работы в попытке примирить прозу с поэзией, вернее стереть грань между ними, а значит, максимально приблизить оба рода литературы к самой жизни, где нет сюжетов, прошлого, настоящего, будущего, а есть преображенная человеческой памятью бесконечность. Однако какое именно стихотворение Бунин написал последним, доподлинно неизвестно. Поэтому в статье рассматриваются и стихотворение «Ночь», написанное в 1952 году, и «Венки», которое также было написано в 1952-м, однако к его редактированию Бунин, вероятно, возвращался и в 1953 году.

Ключевые слова: Пушкин, Лермонтов, Бунин, «Ночь», «Венки», феномен последнего стихотворения

In 1953, shortly before his death, Ivan Bunin, who all his life considered himself primarily a poet-a faithful follower of the Pushkin tradition, came to the conclusion that "our first poet is Lermontov," reads him a lot, approaches a true, deep